

Р.П. Мананкова

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ОШИБКИ

Анализируется состояние науки частного права; дается оценка разработкам проблем периодизации, обозначается участие в дискуссии о методологическом кризисе в теории права и судьбе понятия «отрасль права». Критикуется практика недооценки и игнорирования результатов научных исследований в законопроектах. Обращено внимание на неудовлетворительное состояние жилищного законодательства. Отвергается конструкция наследственного фонда. Сделаны критические замечания по поводу качества семейного законодательства, а также выводы о непригодности и несвоевременности концепции по его совершенствованию.

Ключевые слова: правовая система; доктрина; концепция; наследственный фонд; игнорирование; достоинства; ошибки.

Попытки осмыслить качество и своевременность важнейших нормативных актов и обосновывающих их доктринальных источников приобрели уже настолько массовый характер, что пришла пора обобщений.

Авторами многих реализованных законопроектов частного-правового характера уже опубликованы работы, посвященные периодизации гражданского законодательства. Этот вклад трудно переоценить, поскольку в основном, пусть даже иногда схематично, но восполнил существенный пробел в отечественной цивилистике. В учебной дисциплине для магистрантов «История и методология юридической науки» всегда ощущались зияющие пустоты в части вклада конкретных российских ученых в науку гражданского права.

Сейчас четко вырисовывается возможность квалифицированно читать курсы «Кодификация российского частного права», «История развития отечественного гражданского законодательства» и т.д.

На вопрос о достижениях в нашей науке ответить просто – это результат огромного труда, сам действующий Гражданский кодекс Российской Федерации, отвечающий основным запросам времени. Никто больше цивилистов ничего не сделал в эти десятилетия новой жизни. За текстами остались утраты талантливых ученых, страдания, резкие повороты судьбы и т.д. Но есть кодекс и как памятник времени, и как фундамент – «Экономическая Конституция России». В его создании и совершенствовании принимает участие все цивилистическое сообщество, поскольку в целом сложились благоприятные условия для реализации творческих планов. Участие в конференциях перестало быть уделом избранных (в советское время только заведующий кафедрой раз в году имел право на научную командировку и потом подробно докладывал о ее содержании всем остальным членам кафедры). Категории «молодых ученых» вообще, можно сказать, не существовало. Научные сборники трудов вуза позволяли аспиранту опубликовать только одну полноценную статью и одни тезисы в год. Сегодняшние условия несравнимы с прежними, и это тоже факт и тоже достижение, без которого кодекс не мог бы появиться.

О значении нового гражданского законодательства сказано уже так много и верно, что в рамках небольшой статьи есть смысл обратить внимание, причем в

тезисном исполнении, лишь на отдельные существенные моменты.

Прежде всего сокрушительный удар по всей системе советского законодательства нанесли новеллы центрального института права собственности. Закрепленный приоритет частной собственности обусловил исчезновение социалистической собственности как вида и соответственно трех ее форм, а также личной собственности, производной от социалистической, трудовой по происхождению и потребительской по назначению. Эффекта добавили нормы о том, что количество и стоимость любого имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, не ограничиваются. Это общие правила, к которым теперь уже привыкли.

Однако некоторые невидимые последствия этого мощного, разрушительного удара по прежней правовой системе начинают проявляться со всей очевидностью буквально в последнее десятилетие. Имеется в виду объявленная дискуссия ученых-теоретиков о методологических проблемах современной российской науки.

Центральный вопрос – о месте и судьбе понятия «отрасль права» в отечественной правовой системе. Суть проблемы заключается в чрезмерной эксплуатации и обесценивании понятия «отрасль права», в размывании критериев отраслеобразования. Появилось более ста отраслей права (!) и более 30 критериев разграничения отраслей вместо традиционных предмета и метода [1. С. 34–40]. На полном серьезе отраслями называют футбольное право, модное право, фирменное право, деликтно-наказательное право, исправительно-лечебное право, право саморегулирования и т.д., причем процесс возрастания их числа продолжается.

Было бы смешно, если бы не было так грустно. За этим нескончаемым валом новых «отраслей права» стоят многочисленные диссертации, в том числе докторские, а также крупные монографии и статьи солидных авторов (Е.М. Ашмарина, Н.В. Витрук, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева и др.). В поисках баланса и предложена очередная (четвертая по счету) дискуссия о системе права, а не просто мероприятия в форме конференций.

А пока зеленый свет получает концепция экономического права, именуемого как мегаотрасль рос-

сийского права. В течение 2011–2017 гг. появилось много работ разного плана, включая монографии Е.М. Ашмариной, В.В. Ершова, Г.Ф. Ручкиной, а также многочисленные статьи в журнале «Государство и право». Опубликованы и обстоятельные обзоры материалов трех российских межвузовских научно-практических конференций на тему «Экономическое право: теоретические и прикладные аспекты».

В последней по времени публикации профессор Е.М. Ашмарина констатирует, что к настоящему моменту юридическая общественность перестала категорически отрицать экономическое право в качестве самостоятельного правового образования, однако еще не в полной мере адаптировалась к факту его наличия в системе российского права как мегаотрасли [2. С. 28].

Обратим внимание на предложенную авторами дефиницию мегаотрасли, поскольку это и свежо, и любопытно. Мегаотрасль – это «правовое построение, основанное на системной рецепции основ всех доктринально признанных отраслей материального российского права и переструктурированное в соответствии с актуальными отечественными направлениями и видами экономической деятельности» [Там же].

Громоздить псевдонаучную концепцию «Экономического права» и рассчитывать на ее официальное признание в качестве мегаотрасли, как видно, вполне реально в условиях рыночных отношений. Для серьезной критики по существу вопроса нет ни малейшего интереса. И хотя конструкторы экономического права упоминают в структуре этого якобы правового образования экономическое уголовное право, специалистам в данной отрасли не стоит рассчитывать на то, что им помогут наконец разобраться с объектом преступления в сфере экономики. Представляется безнадежно неэффективной концепция экономического права как мегаотрасли, а для решения острых насущных проблем в отраслевых науках, в уголовном праве, прежде всего, нужно искать другие пути.

Советский опыт здесь не поможет, он, скорее, отрицательный. По большому счету, полного взаимопонимания между экономистами и юристами по ключевым вопросам не было. Дошло до того, что в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, введенных в действие с 1 мая 1962 г., и затем в Гражданском кодексе РСФСР, действовавшем с 1 октября 1964 г., закреплены нормы о трех формах социалистической собственности, которые применялись в течение многих лет. Однако в Конституции СССР 1977 г. одну из форм потеряли; выяснилось, что над проектом работала комиссия ведущих экономистов, убежденных в наличии двух форм социалистической собственности. Скандал был хотя и в узких кругах, но большой силы; компромисс нашли, добавив в ст. 10 Конституции не совсем корректную с правовой позиции, но все же определенную по смыслу фразу «социалистической собственностью является также имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач». Так или иначе, но советские экономисты-ученые не оставили внятных определений понятий, пригодных для изготовления

легальных, приемлемых для нужд в особенности уголовного права, а именно для норм главы 22 УК РФ. Видные специалисты в области уголовного права уделяют внимание понятиям «экономика», «экономические отношения», «экономическая деятельность». Но со стороны кажется, что внутри отрасли все аргументы уже исчерпаны и нет смысла «буксовать» в рамках одной отрасли еще много лет, нужно выходить на совместные разработки и с экономистами, и с цивилистами. Необходимость объединения усилий ученых, представляющих разные отрасли, обусловлена постоянно проявляющимися проблемами правоприменения. В свою очередь, и в доктрине давно уже нет стабильности, соотношение частного права с публичным только обывателю может показаться простым: новые прогрессивные нормы гражданского законодательства должны найти отражение, например, в Уголовном кодексе РФ. Хотя бы нормы о понятии, структуре и содержании вещных прав. Следовательно не будет читать учебники по гражданскому праву, необходимая информация должна быть совсем рядом, т.е. в «Примечании» либо в «Постатейных материалах» как неотъемлемой части кодекса (практика известна с советских годов и она себя оправдала). Эта почти техническая работа требует совместных усилий представителей соответствующих отраслей. В то же время нужно признавать, что и ГК РФ – вовсе не безупречный двигатель прогресса, не идеальный образец для внедрения его важнейших норм и легальных понятий в другую чужеродную публично-правовую материю.

Объективности ради и в интересах достижения общей цели совершенствования действующего законодательства есть смысл обратить внимание на ряд существенных обстоятельств. Частное право в объективном смысле понимается как система норм, составляющих такие массивы, как гражданское законодательство (центральное ядро и по объему, и по значимости); другим элементом системы частного права является семейное законодательство. Наконец, третьим элементом этой системы считается жилищное законодательство. Эта структура служит отправной точкой при обсуждении разных проблем, обусловленных восстановлением феномена частного права в отечественной науке. Существование, развитие, совершенствование огромного массива законодательства обслуживает доктрина современного частного права, т.е. творческие произведения юридической науки в областях гражданского, семейного и жилищного права. Это, разумеется, азы. Но на данном этапе существования частного права в литературе пока не делается различий между нормой и научной мыслью. Поэтому далеко не всегда можно понять, о чем идет речь; особенно интересно, когда так говорят творцы законопроектов [3. С. 9–12].

Наука и законодательство развиваются параллельно, но вовсе не синхронно. Не все, что опубликовано в виде монографий высокого качества (не говоря уже о защищенных диссертациях и статьях), удостоивается какой-либо реакции создателей законопроектов. Это негативное явление, которое можно назвать недооценкой, а иногда даже игнорированием реальных научных достижений. Новизна выводов и пред-

ложений в диссертациях после защиты никого, как правило, уже не интересует. Наивный добросовестный диссертант может разве что в мечтах увидеть свои драгоценные строчки в тексте закона. Накопились огромные залежи научных достижений, достойных внимания законодателя. И трудно понять, почему многие отработанные в науке положения не находят реализации в нормативных актах. Примеров подобного отношения к научным результатам множество, любой научный руководитель способен это подтвердить.

При отборе научного материала для законодателя необходимы определенные критерии. Существенными в этом плане представляются следующие обстоятельства. Во-первых, наличие потребности в совершенствовании конкретного института. Всем видны «пустые» нормы ст. 33–34 ЖК РФ. Для заполнения их уже достаточно готовой научной продукции. Во-вторых, завершенность, достаточность научных результатов для восполнения пробелов и устранения иных недостатков действующих норм. Примером такого завершенного научного достижения является комплекс работ (в том числе докторская диссертация и ряд монографий, посвященных гражданско-правовому статусу лиц с психическими расстройствами). Но наше гражданское законодательство ориентировано на здоровое население, без проблем. А в жизни выходит, что защищать нужно как самих больных, так и общество от них. В-третьих, обстоятельства с учетом потенциала и тенденций развития соответствующего института. В этом плане особого внимания заслуживает глава 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг». Ее нормы представляются как прообраз будущей подотрасли с общей частью, включающей легальную дефиницию услуги, существенные признаки и критерии классификации. Особенная часть могла бы быть посвящена наиболее важным видам этих обязательств. В-четвертых, обогащение и корректировка понятийного аппарата как основного научного инструмента. Все изложенное может быть и спорно, но сказано с убеждением, что копить залежи научной продукции в достойных диссертациях и монографиях просто нерационально.

Оценивая современное состояние отечественной цивилистики, нельзя не видеть ее слабых звеньев. Так сейчас выглядит наука жилищного права. На упомянутой юбилейной конференции профессор А.Я. Маковский, научный руководитель Исследовательского центра частного права «посетовал на то, что сегодня из науки и преподавания выпадают целые пласты гражданского права. А жилищное право? Сколько у нас работ защищается по жилищному праву? Даже считанных единиц нет» [3. С. 11].

Считанные единицы все же есть [4], но чаще наука жилищного права проявляет себя на многочисленных провинциальных конференциях. Выводы ученых в совокупности позволяют утверждать о наличии обоснованных предложений как по совершенствованию жилищного законодательства, так и прямо противоположных. Речь идет о позиции ученых, предлагающих вообще отказаться от Жилищного кодекса. В подобных ситуациях обычно организуются дискуссии в той или иной форме, а в итоговых документах опре-

деляются основные направления на перспективу. В советское время тематика рекомендуемых научных исследований периодически доводилась до сведения ученых-юристов в соответствующем разделе журнала «Советское государство и право».

Сейчас ориентиром является исследовательский Центр частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. В последней книге, посвященной кодификации российского частного права 2017 г., изложена позиция ведущих специалистов-жилищников, от мнения которых напрямую зависит сегодня судьба жилищного права и как законодательства. Авторы по существу повторяют содержание статьи, опубликованной в книге второй «Кодификация российского частного права 2015». Повторяется и мысль «об отсутствии стратегической линии при совершенствовании жилищного законодательства. Отсутствует концептуальный подход. Нет прогнозирования. Есть недостаточно взвешенная (зато быстрая) реакция на вдруг обнаружившиеся проблемы и т.д. [5]

В системе частного права давно уготовано место семейному праву, вопрос об этом дискутировался много лет. Слишком уже очевидной и в советское время была его генетическая связь с правом гражданским, также как и низкое качество всех семейных кодексов. Действующий Семейный кодекс в сравнении с мощным Гражданским кодексом явно проигрывает по всем показателям. Уже выявлены причины и объективные (90-е гг.) и субъективные, о которых известно, но говорить не принято, хотя и необходимо. Если коротко – проект был подготовлен узким кругом фамилиаристов, игнорирующих и поэтому мало знающих гражданское право. Не было ни широкого обсуждения, ни предварительного опубликования, ни цивилистической экспертизы. В результате появился и живет очередной теоретически очень слабо разработанный нормативный акт, адресованный каждому гражданину России. В нем не нашли отражения результаты научных разработок предшествующих лет, в том числе диссертации и монографии. В 2007 г. была опубликована работа «Пояснительная записка к проекту Концепции нового Семейного кодекса», целью которой было объявлено подключение семейного законодательства к частному праву, определены задачи и отражено собственно ее содержание. В частности, предлагалось: 1) включить в семейное законодательство систему понятий (семьи, члена семьи, субъекта семейных правоотношений и др.); закрепить известную всему миру с римских времен систему родства. Обосновывалась необходимость детального закрепления правового положения лиц, состоящих в фактических брачных отношениях и в отношениях свойства и др. Эти предложения в литературе обсуждаются и сейчас, в частности в связи с негативным эффектом Концепции совершенствования семейного законодательства и соответствующих предложений. Об этой концепции сказано и написано много и в том числе много интересного. Например, о том, что рано нам пока заниматься концепциями, поскольку слишком мала теоретическая база. Современные достижения в семейно-правовой доктрине фрагментарны, разрозненны, не способны составить цельную семейно-

правовую картину соответствующей российской действительности.

О месте и судьбе Семейного кодекса тоже пока не договорились. Если достигнуто взаимопонимание о принадлежности его к частному праву, то в принципе новая форма существования решающего значения не имеет. Можно внедриться в ГК (французский вариант), можно прицепить к ГК в виде 5-й части, ведь нашлось же место в ГК даже международному частному праву. Но все же более оптимальным представляется оставить все как есть, не разрушая, а просто совершенствуя. Что же касается науки, то определилась и стратегия для молодых ученых – уже нельзя замыкаться в узких рамках семейного права, полагая, что этот ранее привычный путь является более легким. Теперь это вовсе не так, от гражданского права не уйти.

Вместе с тем, осознавая масштаб и грандиозный эффект от восстановления частного права в нашей стране, нельзя не заметить негативных явлений, сопровождающих этот процесс. Выдающиеся цивилисты, ученые и практики, много лет работавшие на пределе человеческих возможностей, не могли не ошибаться в условиях цейтнота. Обсуждать важнейшие законопроекты с юридической общественностью с целью получить объективную оценку, как правило, не получалось. Поэтому частное право России как живой организм и сейчас четко реагирует на события и другие факты реальной действительности. Концепция совершенствования гражданского законодательства изначально не могла быть безупречной, корректировки были неизбежны. Но кто бы мог предполагать, что юридическим лицам посвятят шесть лет работы, финансовым сделкам – пять с половиной. В результате местами кодекс заполняют сугубо процедурные нормы, азы документоведения. На концептуальном уровне это обстоятельство, по-видимому, не обсудили. Тут уже не до граждан, тоже, между прочим, субъектов гражданских правоотношений в количестве 146 миллионов человек. Они и пропадают по 120 тысяч человек в год и страдают от нищеты и болезней, но как безликий фон присутствуют за древними по происхождению нормами о правосубъектности граждан (гл. 3 ГК ст. 17–47).

Не получила ответной реакции авторов идея создания Детского кодекса (А.Р. Бахман), разработкой которого занимаются также представители и других отраслей.

Без внимания остались работы, в том числе диссертации и монографии цивилистов, ориентированные на ситуации, характеризующие в наше время понятие «системный кризис» [6–8]. Соответствующие

нормы (статьи 202, 242, 401 ГК) существуют в нетронутом виде.

Довольно трудно удержаться от эмоций и скептических оценок при изучении и осмыслении последних масштабных новелл частного-правового характера. Основные из них – долгожданный и давно обещанный раздел в ГК о финансовых сделках и «явление» в качестве наследника так названного наследственного фонда, с помощью которого, по словам авторов этой идеи, им удалось решить проблему «лежащего наследства» (*hereditas jacens*). Попутно отметим, что теперь уже легко «проглочено» нами и «совместное завещание супругов», и «наследственный договор», и нотариусы высшего уровня уже засуетились на процедурном поприще. Так и хочется провозгласить: «Виват, академия! Виват, профессоре!»

Научная общественность уже достаточно внятно продолжает реагировать и на новые нормы о наследственном фонде, и на ожидаемые проблемы с совместными завещаниями и наследственным договором. Нотариусы в личных доверительных беседах говорят, что они вникать в эти дебри не собираются, их клиентам это не нужно. П.В. Крашенинников в многочисленных интервью в «Российской газете» (на первой полосе и непременно с собственным портретом) объясняет, что эти нормы (о наследственном фонде) нужны не просто богатым, а очень богатым людям, приводит пример Альфреда Нобеля и рассчитывает на благотворительный эффект от наших «капитанов бизнеса».

Не вступая в детальную полемику, есть повод обратить внимание на некоторые явные несовершенства норм о наследственном фонде. Конструкция чрезмерно громоздкая и выглядит чужеродным звеном в ткани традиционно логичного отшлифованного столетиями нормативного материала. Смехотворно, по крайней мере, нелепо усложнена первая стадия, что в переводе на нормальную лексику означает ситуацию, когда на смертном одре, прощаясь с жизнью, завещатель параллельно оформляет множество документов, проводит многоходовую операцию по организации наследственного фонда.

Новые нормы появились без оглядки на многовековую теорию наследственного права и буквально взрывают отработанную доктрину. Во введении конструкции наследственного фонда не было необходимости при наличии в нашем законодательстве института доверительного управления и испытанных временем норм об охране наследства и исполнении завещания. Кстати, уже началась работа по внесению поправок в, по-видимому, сомнительные по качеству нормы, хотя закон вступит в силу еще с 1 сентября 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? // Государство и право. 2017. № 2. С. 34–40.
2. Ашмарина Е.М. К вопросу о месте экономического права в системе российского права: инновационный подход // Государство и право. 2018. № 2. С. 27–33.
3. О юбилейной конференции Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17, № 2. 327 с.
4. Сулова С.И. Правовые формы жилищных отношений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014 г.
5. Гонгало Б.М., Крашенинников П.В. Развитие кодификации жилищного права // Кодификация российского частного права 2017 / под ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут. 2017. 480 с.

6. Каплунова Е.С. Непреодолимая сила и смежные с ней понятия. Новокузнецк, 2004. 175 с.
7. Афанасьева Е.Н. Реквизиция: гражданско-правовые проблемы. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. 176 с.
8. Фролов А.И. Чрезвычайная ситуация: цивилистический аспект. М. : Юрлитинформ, 2015. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 июля 2018 г.

MODERN STAGE OF RUSSIAN CIVIL LAW: SUCCESS AND MISTAKES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 435, 260–264.

DOI: 10.17223/15617793/435/33

Raisa P. Manankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: loykon@rambler.ru

Keywords: legal system; doctrine; conception; estate; disregard; advantage; mistakes.

In the article, the author analyses the status of the private law doctrine. The emphasis is made on the discussion on a methodological crisis in the theory of law, on the notion “branch of law”. Elaborations of experts in the sphere of periodization are evaluated positively, the possibility to research the collected information in the learning process is noted. The practice of undervaluation and disregard of results of scientific research in legislative work is criticized. The author pays attention to the unsatisfying condition of housing legislation. The Construction of Estate is rejected as theoretically unworkable. The author comes to a conclusion on the qualitative inopportunity and impropriety of the Conception on Family Legislation Improvement. The general scientific methods of analysis, synthesis, system structural and dialectical methods, as well as specific scientific methods of cognition (comparative legal, historical legal, system, formal dialectical) are used in the study. The problems solved in the article are as follows. (1) The character of generalization of the legal reality allowed to impersonally evaluate the contribution of Russian lawyers to the filling of an essential gap in the doctrine. (2) The main success is the Civil Code of the Russian Federation itself; favorable conditions for its introduction and further improvement, especially for young scholars, have been created. (3) The problem of the place and fate of the notion “branch of law” is examined as a negative phenomenon. Nowadays the notion is too vague and continues to depreciate. The author criticizes the construction “economic law as a mega branch, as a pseudoscientific phenomenon”. (4) The disregard or undervaluation of the results of scientific research is noted. The author proposes some criteria for selecting material for the legislator. (5) The question on the necessity of the discussion on the fate of housing legislation is posed; attention is paid to the absence of a conceptual approach and forecasting. (6) The existing situation on the Family Code is severely criticized. (7) The latest vast innovations in inheritance law are skeptically evaluated. The Construction of Estate is rejected as a foreign part in the traditional logical material. The author concludes that suggestions to improve family and housing law as elements of private law are highly applicable for the high level of their relevance.

REFERENCES

1. Rad'ko, T.N. & Golovina, A.A. (2017) Sovremennaya sistemno-pravovaya teoriya: novyy etap razvitiya ili metodologicheskii krizis? [Modern systems and legal theory: a new stage of development or a methodological crisis?]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 34–40.
2. Ashmarina, E.M. (2018) K voprosu o meste ekonomicheskogo prava v sisteme rossiyskogo prava: innovatsionnyy podkhod [On the place of economic law in the system of Russian law: an innovative approach]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 27–33.
3. Vestnik grazhdanskogo prava. (2017) O yubileynoy konferentsii Issledovatel'skogo tsentra chastnogo prava im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF [On the anniversary conference of S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 17(2).
4. Suslova, S.I. (2014) *Pravovye formy zhilishchnykh otnosheniy* [Legal forms of housing relations]. Abstract of Law Dr. Dis. Moscow.
5. Gongalo, B.M. & Krashennnikov, P.V. (2017) Razvitie kodifikatsii zhilishchnogo prava [Development of housing law codification]. In: Krashennnikov, P.V. (ed.) *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava 2017* [Codification of Russian private law 2017]. Moscow: Statut.
6. Kaplunova, E.S. (2004) *Nepreodolimaya sila i smezhnye s ney ponyatiya* [Force majeure and related concepts]. Novokuznetsk: Tipografiya OAO “Novokuznetskiy poligrafkombinat”.
7. Afnas'eva, E.N. (2009) *Rekvizitsiya: grazhdansko-pravovye problemy* [Requisition: civil law problems]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Frolov, A.I. (2015) *Chrezvychaynaya situatsiya: tsivilisticheskiy aspekt* [Emergency: a civil aspect]. Moscow: YurLitinform.

Received: 05 July 2018